

Путь

12+

Анна Иванова

Анна Валерьевна Иванова

Путь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64210701

SelfPub; 2021

Аннотация

Человечество запустило в космос первые космические аппараты. Ответы на какие вопросы оно ищет там, за пределами знакомого мира? И сможет ли главный герой ответить на те же вопросы здесь, на Земле.

Анна Иванова

Путь

1977 год. Космический аппарат «Вояджер-2» начал свое путешествие к дальним планетам солнечной системы. В тот же день в Рязанском роддоме под сурово ободряющие возгласы акушерок давала начало новой жизни моя мать. Все уже устали, несмотря на утренние часы; набирающий силу августовский зной прижимал к полу, утяжелял голову, вяло рикошетил от одного пышущего тела к другому. Мой здоровый младенческий крик ознаменовал конец затянувшейся ночной смены, и врачи, наспех закручивая новоиспеченное сморщенное тело в пеленки, спешили покинуть родильный блок. «Давно бы так, Миронова!» – шутливо стыдили мою мать, расстегивая пуговицы на тесных белых халатах.

Ну, здравствуй, жизнь. Я, как и никогда не виданный мной собрат «Вояджер», отпущен сегодня в новые приделы мироздания. Впереди – бесконечно далекий путь, полный поиска смыслов. Кто я? Зачем я живу? Конечно ли жизнь, если она имеет начало? И есть ли Тот, кто создал Пространство, время и Бытие? Думаю, что в конечном итоге «Вояджер-2» летит за ответами на те же вопросы...

Я родился в 1977 году, а когда «Вояджер» приблизился к Сатурну в восемьдесят первом, я упоенно любил девочку Аню. Она ходила со мной в одну группу в детском саду, и я

сам был как пышный георгиновый куст, свежий и рдеющий сочным румянцем от радости, что успел сесть рядом с ней, когда мы лепили корову из пластилина. Я рассказывал маме, что, когда вырасту, женюсь на Ане, и энергично загибал пальцы, показывая, сколько у нас будет детей. На 8 марта я сделал Ане открытку: незатейливый цветочек, склеенный из ореховой скорлупы, в вазочке из цветной бумаги. В тот день в садик я летел. Положил ей на стол открытку и ждал, когда она заметит. А она не замечала. Пришлось мне открыться и вручить ей мой возлелеянный чувствами подарок. Аня растянула красивый ротик в вежливую улыбку и сказала «Спасибо». Но открытку мою домой не забрала. Аня ушла домой, а у меня ныло где-то в животе от того, что мой цветочек из орехов остался лежать в кукольном доме у игрушечного телефона. Я забрал открытку так, чтобы никто не видел. И больше никогда не влюблялся в девочек из детского сада.

Когда «Вояджер» долетел до Урана, мне было 9. Мы жили в деревне все лето, ходили за ягодой в луга, окучивали картошку, катались по проселочным дорогам на велосипедах и пили молоко из-под коровы. Зной проникал под кожу и багровел воспаленными плечами у вновь прибывших, стойкой медью – у бывалых. Я помню, как вместе с родителями собирал луговую землянику. Ягоды было мало, земля трескалась от жажды. Взрослые говорили, что с семьдесят седьмого года не было такой изнуряющей жары. Мы ползали на коленках в траве и искали полянки потенистее – здесь и яго-

да была сочнее. Помню, как выдохся от зноя и лег на спину прямо в высокую траву. Мир продолжал жить, как будто меня нет. Треск кузнечиков и несмолкаемый шум насекомых накрыли меня, словно одеялом, и заполнили все пространство внутри и снаружи. Над моим лицом тянулась вверх густая трава, а дальше – небо без конца и без края. И все живет, и дышит, и всё одно целое. И я часть этого единого организма, названного жизнью. И я есть все это. Неотделимое от этого. Я почувствовал тогда, что разница в охвате мира и моих величинах ничтожна: что я сам не только часть этого мира, но больше. Я вмещаю все себя целый мир, и все это во мне: и спящее солнце, и жесткие стебли зеленой травы, и рассекающая крыльями горячий воздух пчела. Все вобрала в себя расширившаяся до размеров вселенной взволнованно поднимающаяся грудь. Я понял тогда, что я часть чего-то прекрасного, и я сам прекрасен, и все, что создано кем-то свыше, не имеет себе равных по красоте творения и одинаково значимо по своей сути.

В 1989 году «Вояджер» открыл сразу четыре новых спутника Нептуна, а из семьи ушел отец. Мне было 12 лет, я хотел гулять по вечерам, бравадничать перед друзьями собственной смелостью, и втайне ото всех следить взглядом за Светой из соседнего подъезда, которая распускала волосы и носила разноцветные фенечки. Я не знаю, как ему это удалось, но отец всё во мне убил, словно прижал огромной бетонной плитой весь мой юношеский мир, мечтательно-воз-

вышенный, полный романтизма. Она, его новая женщина, была конечно красивая, отчего мне было еще противнее. Я ненавидел ее руки в кольцах и то, как она переводит взгляд на отца, разговаривая со мной, словно ищет у него поддержки. Весь мирок, так хлопотливо создаваемый ею вокруг резко помолодевшего новоиспеченного избранника, с блинчиками на завтрак, билетами в театр и безобидными подарками для меня, был чем более обаятелен, тем более страшен. Я боялся признаться себе, что в чем-то она лучше мамы, а если ловил себя на этой мысли, то сам рьяно презирал себя за предательство. Отец не скрывал своего нового счастья и не стыдился его, только один раз позвал меня на балкон и, зажав в зубах сигарету, сосредоточенно чиркал зажигалкой в попытках построить разговор по-мужски. «Так бывает в жизни, сын. Вырастешь – сам поймешь». Я хотел гулять с друзьями по вечерам и любить Свету, хотел беззаботно относиться к учебе, как и каждый счастливый подросток, не обремененный переживаниями о будущем и посвящавший себя изучению собственной вселенной. Но вместо этого отец предложил мне взрослую задачу – оправдай-ка, сын, мое подлое счастье, дорости свою логику до голиафовых размеров, когда любому поступку можно будет найти смягчающее обоснование. Я оправдал ожидания отца. Глядя на озлобленную маму, на остывшие макароны к ужину, на разговоры, сводившиеся всегда к моим оценкам и ее жалким нотациям, я мучительно и со стыдом, не замечая того сам, приходил к при-

нятию нового мира с его новыми правилами.

И какая теперь мне Света? Зачем вообще любовь, когда люди дырявят друг друга нарушенными обещаниями и распавшимися надеждами. Лучше быть с теми, кто к этому готов: и подойти не страшно, и расстаться не больно.

И какой мне теперь Бог? Я разуверился в красоте Его творения и стал воспринимать жизнь как поле боя, на котором выигрывает тот, чей мускул не дрогнет. Я чаще стал прибегать к логике, успокаивая протесты совести, и не думал о средствах, оправдывая их результатом. Мысль о Боге стала мне волнительно неприятна, и мне не хотелось ни перед кем нести отчет за то, что я делал. Эти слова могут навести вас на мысль, что я стал разбитным хулиганом, но нет. Внешне мало что изменилось в моей жизни – год за годом все та же школа, сосредоточенное корпение над уроками, мечты сдать экзамены и уехать наконец из наскучившего города, в котором тесно жить. Поменялось наполнение. Больше никаких надежд ни на кого, кроме себя. Больше никаких ожиданий от близких. Больше никакой очарованности другими. Все с червоточиной, вопрос только в том, в каких обстоятельствах она себя проявит. Быть хозяином и опорой самому себе – это самое разумное для современного человека, оставившего пережитки прошлого там, где ему место. И можно было бы как-то жить, если бы не чувство омерзения к миру (в мои то юные годы!)... и тоска по чему-то утерянному.

«Вояджер» преодолел миллиарды километров, удаляясь

от голубой точки в бесконечных пространствах космоса. Я закончил школу и уехал в Москву строить новую студенческую жизнь. Незнакомые люди, корпуса с запутанными переходами и огромными аудиториями, общежитие с вечной многоголосой оживленностью в коридорах, шкворчащими на кухонной плите незатейливыми блюдами и соседями разных мастей и судеб – все это держало меня в волнительном напряжении, но отнюдь не затуманивало голову. Я не искал в свободе вседозволенности, как многие студенты, сбежавшие от родительской опеки. Мои были слишком заняты собой – один своей жизнью, вторая – собственным увяданием, – чтобы взваливать на себя настоящую заботу о моем будущем. Я с усердием учился, подписывался под любые активности, вошел в студсовет и уже не знал, на что бы еще кинуться, чтобы в полной мере ощутить ту жизнь, к которой стремился. Среди одноклассников я тоже пробовал быть «своим», участвуя в междусобойчиках, ночных посиделках с гитарой и дешевым пакетированным вином. Коменданты гоняли нарушителей режима, но «квартирники» упрямо организовывались снова, лишь только координаты встреч менялись от комнаты к комнате.

После одной из посиделок я возвращался к себе в корпус через университетский двор. Комендантский час уже пробил, я не знал, как пройду через блок охраны, и в задумчивости сел на скамейку. Выпитое вино сделало меня меланхоличным и склонным к разного рода пространному, ничего

не значащим размышлениям. Был ноябрь, ночь была холодной, но безветренной. То время года, когда природа нагая, без прикрас открывает о себе всю правду, а ты можешь либо брезгливо фыркнуть ей в ответ, поспешно втянув подбородок в ворот куртки, либо познать ее во всей истине несовершенства.

– Красивое небо сегодня.

Я повернул голову. На скамейке сидела девушка, имени которой я не помнил, но знал в лицо. Она жила в общежитии, иногда разбавляла преимущественно мужские компании вечерних посиделок, всегда неестественно громко смеялась, а парни многозначительно переглядывались между собой и были к ней нарочито внимательны.

Я посмотрел вверх. Темнота космоса была той ночью ясной, иссиня-черной. Мы долго сидели молча.

– Ты веришь, что мы сейчас летим? – откинув голову, она вдумчиво вглядывалась в бесконечные глубины разрастающейся и поглощавшей всё мглы.

Я попробовал отшутиться в привычном для нее тоне наших общих знакомых, но она как будто и не услышала, только лицо скривилось в болезненной усмешке. Но может быть, мне показалось. Я снова посмотрел на небо.

– Не знал, что ты интересуешься звездами. – уже серьезно добавил я после недолгой паузы. Она снова понуро усмехнулась.

Слово за словом – и неожиданно для себя я рассказал ей о

том, что на небе знаком только с Большой Медведицей, что в детстве после смерти дедушки думал, будто звезды – это глаза тех, кто смотрит на нас с того света, а солнце я изучал только с практической точки зрения – чтобы пропускать лучи через лупу и разжигать костер в деревне.

Мы стали видеться с Юлей чаще. Не то чтобы это были свидания – я не приглашал ее в кино, не дарил цветы и не сделал ни одного намека на романтические отношения. Но мы очень много говорили. Рассуждали о жизни, делились далёкими планами на будущее и на цыпочках, шаг за шагом, узнавали друг о друге то, что привыкли прятать от посторонних глаз. Юля перестала приходить на ночные квартирники. Мне сказали, что, когда она была в последний раз, на очередную неоднозначную шутку вместо привычного всем смеха Юля огрызнулась так, что потом все еще долго молчали и смущенно искали темы для нейтрального разговора. Знакомые по общаге парни подкалывали меня и так же пытались шутить на тему наших отношений, намекая на корыстные выгоды таковых. Мне было неприятно и не хотелось никому ничего объяснять.

– Ты знаешь, что свет от некоторых звезд идет до нашей планеты тысячи лет? Вот ты видишь звезду, а на самом деле ее, возможно, уже нет... – Юля стояла на общем балконе подъездной площадки и варежкой счищала снег с поручней. – Может быть, она умерла уже тысячу лет назад. Отпустила во вселенную свой последний луч – и вот он, скиталец,

летит через тьму мимо разных звезд и галактик. Мимо нас тоже летит... И пока его свет не иссякает, нам кажется, что звезда есть. И мы видим ее, как живую, среди других. Говорим о ней. Или с ней.

– Получается, что смотрим в прошлое? Видим картинку вселенной, которая существовала тысячи лет назад?

– Получается, что так...

– Интересно! Никогда об этом не думал... Значит, небо – это как временной портал, машина времени, окно в прошлое...

– Может быть там нет никакого прошлого. – Юлия пожалла плечами. – Может, время течет там совсем по-другому, и прошлое с будущим сливаются где-то в одной точке... не знаю.

Не помню точно, в какой момент я понял, что люблю ее. Я даже никогда не называл то, что между нами было, словом любовь. Мне продолжали нравиться некоторые девчонки из университета, несколько раз я приглашал одну из них на свидание и, смущаясь, целовал при прощании. С Юлей все было проще. Не было смущения, сердце не билось быстро, ком волнения не подходил к горлу. Она просто и невзначай, незаметно даже для меня самого, вдруг стала самым близким человеком.

– Ты веришь в Бога? – сегодня она была особенно молчалива и избегала смотреть мне в глаза.

– Сложно сказать... – я не мог разгадать причину ее пе-

ремены и был этим озадачен. – Раньше верил, в детстве, а теперь давно не думаю об этом. Мне кажется, люди верят в Бога до тех пор, пока умирают. Когда человечество придет к бессмертию, Бог будет не нужен. А пока Бог для людей – это как лекарство от страха. От страха смерти прежде всего.

Юля молчала. Не понимая, к чему этот разговор, я продолжил:

– А иначе как объяснить все эти попытки покорить космос? Что преследует человечество, пытаясь дотронуться до неизведанного, постичь очередную загадку, вылупиться из плотной скорлупы нашей планеты в новое пространство бытия? Для чего этот путь? Думаю, для того, чтобы избавиться от страха смерти.

– Каким образом? – она подняла на меня глаза. Нет, сегодня с ней точно что-то было не так.

– Признав свое всемогущество. Что вот, мол, я все преодолею, и даже время поверну вспять, и песочные часики замкну в бесконечно сообщающийся сосуд. Для этого и ракеты в космос, и спутники на орбиту, и все попытки разузнать, что же там, за пределами солнечной системы. Летит же сейчас «Вояджер-2» зачем-то, бороздит космическое пространство...

Юля продолжала молчать. Потом встала, подошла к окну и, вдруг как-то особенно трогательно сжавшись, начала говорить. Было в ее спине, собравшихся плечах, тонких напряженных кистях рук что-то беззащитное, что особенно силь-

но контрастировало с непривычной твердостью в голосе.

– Я бы не искала в космосе бессмертия. Какая ценность у жизни, которая не кончается?.. Я бы искала там Бога, а в Боге – доказательство того, что нас любят. Каждого. Со всеми его грехами и грязью. Что есть Тот, кто видит в нас хорошее, несмотря ни на что. – ее голос сорвался, она помолчала и, собравшись, заговорила снова. – Мне было бы важно знать, что и моя жизнь имеет для Него смысл. Что и меня есть за что любить. И даже если не за что, то Он все равно любит... Ни за что. Просто так.

Сам не понимая, почему, я сидел пораженный и чувствовал себя бесконечно виноватым перед ней. Мне очень хотелось обнять ее, защитить от той боли, которую она приняла на себя и несла безропотно. Но я вдруг весь заробел и не смел подойти к ней, посмотреть на нее, сказать ей то, что клокотало у меня где-то между ключиц. Лишь смотрел на ее вытянувшуюся напряженную фигуру.

– Не приходи ко мне больше. – Так и не повернувшись в мою сторону, сказала она. – Я не хочу. Не приходи.

В 2019 году «Вояджер-2» вылетел в межзвездное пространство, а у нас родилась дочь. Когда я смотрю в ее сосредоточенное лицо, ловлю взгляд, направленный в известную только ей тайну, я вижу все звезды вселенной, и сам Бог шлет мне признание в любви, через нее, маленькую и все понимающую душу. Бог любит нас. И прощает мне все ошибки. Всем прощает. Я говорю это и плачу, потому что обрел за-

ново, глубоко и осмысленно то, что было со мной в те далекие 9 лет на земляничной поляне... За 40 лет «Вояджер-2» пролетел миллиарды километров, а я даже ни разу не был за пределами своей родины. Каждый из нас проделал свой путь в поисках ответов на главные вопросы. Кто я? Зачем я живу? Конечно ли жизнь, если она имеет начало? И есть ли Тот, кто создал Пространство, время и Бытие?

Прощай, «Вояджер-2». Свои ответы я уже нашел.